

Мо Юй спросила: «Зачем тебе надо, чтобы Вофу Чжэсю открыл свой рот?»

Чжоу Тун ответил: «Потому что никто не верит, что Чэнь Чаншэн стал бы работать с демонами. Хотя смерть того ученика Горы Ли могла сделать людей неуверенными, этого недостаточно, чтобы пошатнуть их веру, если только Чжэсю не признает, что они сделали что-то вместе».

Как самый младший Директор Ортодоксальной Академии в истории, по мнению многих людей Чэнь Чаншэн наиболее вероятно станет следующим главой Дворца Ли, следующим Попом - в этом мире не могло быть наиболее блистательного будущего. Для демонов было просто невозможно предоставить что-то лучше, так что, естественно, не было основания для того, чтобы он предал человечество и сотрудничал с демонами.

Мо Юй молча раздумывала над этим, а затем спросила: «Ты веришь в это?»

Отложив в сторону мнение, которое было у всего континента о Чжоу Туне, отложив в сторону то, насколько жестокими и ужасающими были его методы, все должны были признать, что Чжоу Тун был несравненным в области допросов.

«Верить или нет никогда не было важным. Самая важная вещь - это доказательство, - Чжоу Тун продолжил. - Так что я дам этому волчонку еще месяц времени. По правде говоря, этот месяц также и для меня».

Видя его спокойные и умиротворенные глаза, Мо Юй спросила: «Даже если армия очень заинтересована в этом деле?»

Уголки губ Чжоу Туна приподнялись, что можно было считать его смехом: «Думаешь, что меня это волнует?»

Мо Юй с небольшой насмешкой сказала: «Я всегда сомневалась, заботило ли тебя что-то еще кроме Императрицы».

Чжоу Тун не ответил на эти довольно грубые слова. Сменив тему, он сказал: «В действительности, есть довольно интересные люди и заботы, о которых я сильно переживаю. Например то, что тот ученик Горы Ли погиб. Если бы уже не было подтверждено, что он действительно умер, я бы правда хотел сделать его своим наследником».

Выражение лица Мо Юй было немного странным. «Почему?» - спросила она.

«Очень редко я вижу кого-то, настолько наполненного ненавистью к себе. Если он так себя ненавидит, то предположительно у него нет любви к этому миру. А это как раз то требование, чтобы стать моим наследником».

Было совершенно естественно, что у Чжоу Туна не было любви к этому миру и даже намек на сострадание: «Более того, оценка Ляном Сяося большей картины и его влияние на ситуацию были исключительно точными. Он отчетливо понимал, что даже его собственной смерти не будет достаточно, чтобы втянуть Чэнь Чаншэна и Чжэсю в бездну, поэтому и произошло то действие, которое он совершил снаружи Сада Чжоу прямо перед своей смертью. Он отчетливо разделит Гору Ли и столицу на две линии. Его втягивание в пучину Чэнь Чаншэна и Чжэсю было просто чем-то, что он легко смог сделать по пути, но его истинной целью была Гора Ли, это был Су Ли. Конечно же, это также была та маленькая девочка по имени Ци Цзянь».

Услышав слова Чжоу Туна, Мо Юй внезапно почувствовала себя несколько холодно. Оказывается, что Чжоу Тун знал все, понимал все. Он знал, что Ци Цзянь - это дочь Су Ли, знал о враждебности в сердце Ляна Сяосяо и знал, что все это было планом.

«Так ты в действительности всегда знал об этом всем...» - она уставилась в глаза Чжоу Туна.

Чжоу Тун не придавал ей внимания и продолжил: «Многим людям нужно, чтобы Чэнь Чаншэн был в сговоре с демонами. Лян Сяосяо использовал последнюю технику Стиля Меча Горы Ли, чтобы убить себя. Это действительно изумительно».

Мо Юй спросила: «Тогда о чем ты думаешь? Разве ты не говорил, что тебя больше всего заботит доказательство?»

Чжоу Тун молча задумался на несколько мгновений, а потом внезапно сказал: «Учитель Чэнь Чаншэна - Даосист Ци. Что касается отношений между Даосистом Ци и Черной Робой, никто не знает, так почему Чэнь Чаншэн не может быть в сговоре с демонами? К тому же, он все еще жив. Так как Сада Чжоу уже нет и никто не видел, как он выходит через парадные ворота несмотря на всех присутствующих людей, как он покинул Сад Чжоу? Через какую-то другую дверь? Не забывай, лишь Черная Роба знает, где находится другая дверь Сада Чжоу».

Мо Юй молчала очень долгое время. Наконец-то она сказала: «С самого начала ты действительно подозревал его».

Чжоу Тун встал и подошел к двери главного зала. Глядя на обширное небо звезд в ночи, он сказал: «Обвинение, сделанное со смертью Ляна Сяосяо, - очень сильное. По счастливому совпадению многим людям в столице нужно, чтобы Чэнь Чаншэн был в сговоре с демонами. По счастливому совпадению способность Чэнь Чаншэна покинуть Сад Чжоу указывает на то, что он может сотрудничать с демонами. Так что совершенно естественно, что мне надо узнать, действительно ли он сотрудничает с демонами или нет».

Мо Юй подошла сзади и сказала с намеком предупреждения в голосе: «Его Святейшество будет доверять ему».

Выражение лица Чжоу Туна внезапно стало несколько странным: «Если Поп все еще будет настаивать на доверии юноше при подобной ситуации, то заслуживает ли Поп доверия?»

Мо Юй внезапно почувствовала зловещее ци, поднимающееся из-за двора перед ними, которое окружило воздух вокруг них. Атмосфера вокруг их тел стала аномально холодной. В подобной ситуации она не знала, что еще сказать.

«Сначала ты должен сделать ясным, что Императрица думает об этом».

«Тогда, что ты думаешь?»

Чжоу Тун держал руки за спиной, глядя в ночь. Его голос был подобен воздуху после дождя, а его худая фигура казалась несколько меланхоличной в ночи. Он действительно казался каким-то поэтом, сраженным горем.

«Я? Думаю о чем?»

«Что ты думаешь о Чэнь Чаншэне».

«Ты хочешь умереть?» - сердито закричала Мо Юй.

Лицо Чжоу Туна совсем не изменилось. Он скучно сказал: «В тот день, когда новости, что Чэнь Чаншэн жив, были переданы в столицу, ходят слухи, что цветы в Апельсиновом Саду расцвели посреди ночи. Похоже, что у тебя неплохое настроение».

Злоба в глазах Мо Юй стала убийственной.

Чжоу Тун не оборачивался, как будто не чувствовал ее взгляда.

Мо Юй ушла, а Чжоу Тун начал прогулку.

Вся столица и даже весь континент знали, что Чжоу Тун не многое любил, кроме прогулок и личных пыток над кем-то.

Он был строгим с другими, и был еще более строг с собой. Он никогда не предавался плотским желаниям, и тем более не отказывался от всех ограничений, даже в своей молодости. Он жил очень дисциплинированным и строгим образом жизни, что также можно описать сухим и монотонным. Конечно же, он также писал поэмы, поэмы, которые выражали его горе и заботу о стране. Он также писал мемориалы императору, эссе о том, как старые министры строили планы против страны. Он проживал свою жизнь подобно великому ученому. Перед Божественной Императрицей он определенно не был одним из тех министров, которые клеветали на других, он скорее был министром, который искренне говорил о том, что было у него на уме. Более того, он был наименее продажным чиновником в истории Династии Великой Чжоу, потому что ему хватало денег и потому, что никто не смел давать ему взятки.

В Королевском Дворе Чжоу Чжоу Тун выращивал пятнадцать черных Церберов. Подобные ужасающие монстры, которых лишь можно было найти глубоко в землях демонов, обладали ужасающей аномальной внешностью и были невероятно опытными в разведке и сражениях. Черная слюна, которая падала с их ртов, могла разжесть даже самые прочные металлы. Это наиболее вероятно было именно той причиной, почему Лорд Чжоу Тун никогда не был разведен деньгами - те, кто хотели подкупить его, никогда не могли приблизиться к его дому. Если они попытаются прокрасться в его двор Чжоу, они станут едой для этих черных Церберов. Многие человеческие кости лежали в полях и лесах, окружающих его дом.

В поздние часы около десяти Церберов стояло в ночи. Черная кожа сияла под светом масляной лампы, и когда она была освещена звездным светом, она давала очень странное ощущение. Под когтями этих черных демонических собак была тюрьма.

Чжэсю был пленен в этой тюрьме. Пятьдесят пять невероятно утонченных металлических цепей проходили через его тело. Его кровь была покрыта кровью, высохшей и свежей. Во многих местах даже можно было разглядеть жуткие белые кости.

Когда прошел неизвестный промежуток времени, он очнулся. Чувствуя воздух снаружи, который попадал через вентиляцию, он несколько болезненно поднял голову. Он посмотрел в то место и поспешно сделал несколько вдохов.

Было возможно рассмотреть небольшую часть ночного неба через вентиляцию, а также несколько звезд. Он открыл глаза и посмотрел в то место, как будто несколько жадно принимал это зрелище. Фактический правдой было то, что в действительности он не видел и единственной вещи.

В глубинах его зрачков был оттенок лимонно-желтого цвета.

Это был цвет, появившийся из-за смешивания яда Пера Павлина с его собственной кровью.

Он был немного кислым.

<http://tl.rulate.ru/book/1222/104643>